

Роман Белоусов

В Сибирь по своей воле

ТЮМЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

18+

Роман Белоусов

В Сибирь по своей воле.

Тюменские рассказы

<https://litres.ru/74597092>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В Сибирь по своей воле» – автобиографическая книга журналиста, приехавшего из небольшого города на Дону в Тюмень, за женщиной, с которой он познакомился однажды во время паломнической поездки по Крыму.

Став обозревателем старейшей областной газеты «Тюменская правда», автор знакомится и знакомит читателя с городом и регионом: посещает музей Григория Распутина в Покровском, где хозяйка Марина Смирнова развенчивает мифы о старце, берёт интервью у 105-летней ветеранки Александры Чебаненко – старейшего участника Великой Отечественной войны, исследует тобольский Тюремный замок, отправляется в Далматовский монастырь, встречается с классиком сибирской прозы Анатолием Омельчуком, краеведом Павлом Ситниковым, легендой тюменской журналистики Рафаэлем Гольдбергом

Личный сюжет – становление в новом городе – служит стержнем, на который «нанизываются» исторические экскурсии, культурологические наблюдения и живые портреты людей.

Содержание

Пролог в Крыму	4
«Тюменская правда»	15
На родине Распутина	22
Ковид	30
Ёбург с Алексеем Ивановым	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роман Белоусов

В Сибирь по своей воле.

Тюменские рассказы

Пролог в Крыму

На общем собрании сотрудников алуштинского пансионата с неудобопроизносимым названием УКООПСПИЛКА, где я этим летом подвизался администратором корпуса, директор сообщила, что, поскольку в пансионате остановилась паломническая группа, у всех нас есть возможность поехать с богомольцами по крымским «святым местам». Причём бесплатно – на этот счёт имеется договорённость.

Всякого рода паломнических поездок у меня за плечами было уже около десятка. Они являлись для меня, во-первых, одной из форм моего сотрудничества с настоятелем нашего калачёвского кафедрального собора отцом Димитрием в информационно-миссионерской сфере, а во-вторых, возможностью бюджетно путешествовать. Отец Димитрий договаривался с паломническими службами о финансовых льготах, а я, в свою очередь, писал и публиковал в газетах репортажи об этих поездках. Так что предложение директора Уко-

опспилки пополнить свою коллекцию «святых мест» крымскими монастырями и храмами было весьма кстати.

День спустя, сидя на очередном дежурстве в фойе своего корпуса, я набрал номер паломничьего предводителя и поинтересовался, смогу ли поехать с завтрашней группой в Инкерман и Севастополь.

– Да, подходите завтра к отправлению автобуса, найдём вам место, – ответил предводитель.

Мой корпус был самым фешенебельным в пансионате, и оттого немногочисленным и тихим, так что выспался я хорошо (ну, насколько хорошо вообще можно выспаться на раскладном диванчике в фойе). Так что утром был вполне бодр и готов к странствию.

Сдав смену, я вернулся в корпус для персонала, быстро умылся, переоделся и даже успел перед отъездом заскочить в столовую на завтрак.

На асфальтовой площадке у пансионатских ворот уже стоял микроавтобус, в котором дожидались отъезда паломницы в длинных юбках и платках. Я спросил у стоявшей рядом с автобусом молодой женщины, остались ли свободные места.

– Да должны быть, – ответила она.

Женщина имела типаж, который всегда меня привлекал – красивая, фигуристая, немного по-восточному волоокая... Я подумал, что неплохо было бы познакомиться с ней во время поездки.

В автобусе оказалось в аккурат одно-единственное сво-

бодное место. Одинокое, у окна, как я и люблю, так что мне повезло вдвойне.

В назначенное время наш ковчег тронулся с места, миновал ворота пансионата, и за стеклом поплыли алуштинские пейзажи. Вырвавшись за пределы города, водитель резко поддал газу, а я, как всегда в начале подобных поездок, почувствовал азарт познавателя новых, ещё неизведанных мест.

Первая наша остановка была у церкви Вознесения Христова на высоком горном склоне над городком Форос. Это название застряло у меня в памяти с 1991 года, когда во время путча ГКЧП здесь сидел в заточении президент Горбачёв. Впрочем, сам городок лежит далеко внизу, на морском побережье, и выглядит отсюда как большой муравейник, а храм находится на почти полукилометровой высоте над ним, на уступе большой скалы, в окружении других заоблачных утёсов и круч. Края крутого обрыва под уступом, конечно, огорожены, но самые прыткие и экстремальные из туристов и паломников перепрыгивают через ограду, дабы сфотографироваться на краю пропасти.

Церковь Вознесения Христова построил в 1892 году владевший большим имением в Форосе московский купец Александр Кузнецов, посвятив её спасению императора Александра III и его семьи в железнодорожной катастрофе под Харьковом (это событие тогда было очень популярной темой, его даже почли за настоящее чудо). Храм получился

красивый и величественный, и сейчас он по праву числится в ряду основных достопримечательностей Крымского полуострова. Хотя нам не повезло – вид сильно портили строительные леса вокруг главного купола.

После посещения Форосского храма, миновав Байдарскую долину (получившую своё название, разумеется, не в честь лодок-байдарок, а от тюркского слова «бай» – богатый) и перевал Байдарские ворота, наш автобус взял курс на Инкерман. Теперь нашей целью был Инкерманский Свято-Климентовский пещерный монастырь.

По преданию предыстория этой обители восходит к I веку от Рождества Христова, и первые христианские общины появились здесь за девять столетий до крещения Руси, стараниями сосланного императором Траяном из Рима на окраину империи, в крымские каменоломни, папы Климента. Впоследствии святой Климент был убит по приказу из столицы, но труды его не пропали даром – Крым стал христианским. И пребывал таковым до самого его завоевания мусульманами-турками в XV веке. После чего первая версия Климентовского монастыря по понятным причинам пришла в упадок. И только после перехода полуострова под владычество России, в 1850 году, здесь возродилась иноческая жизнь. До следующего закрытия монастыря в 1931-м. Думаю, что тоже не надо пояснять, по каким причинам. Третье рождение Инкерманского монастыря пришлось на начало девяностых годов прошлого века.

Вход в монастырь пролегает через тоннель под железнодорожной насыпью. Далее дорога ведёт наверх, к храмам, три из которых – в честь папы-священномученика Климента, святителя Мартина Исповедника и апостола Андрея Первозванного, являются пещерными. Хотя я бы сказал – относительно пещерными. Чисто символически. Ибо, как правило, когда речь идёт про пещерные храмы, представляются сумрачные подземелья с низкими сводами, соединённые длинными и узкими, вырубленными в камне переходами. Здесь же ничего подобного нет – просто анфилада довольно просторных, хорошо освещённых помещений с большими окнами, смотрящими на Инкерманские каменоломни (кстати, место с очень недоброй славой, словно притягивающее к себе беды и трагедии, ставшее ареной кровопролитнейших событий двух войн – Крымской и Второй мировой).

После прогулки по инкерманским монастырям я перекинулся несколькими словами с женщиной, завладевшей моим вниманием на автобусной стоянке – такая возможность появилась, когда мы, проголодавшись, стояли в очереди за кофе с пирожком. Оказалось, что её зовут Надежда, а приехала она из Тюмени. Я знал только, что это где-то в Сибири, где добывают нефть, и стал с интересом расспрашивать, часто ли бродят по улицам сибирских городов белые медведи. На набережной Севастополя мы с Надеждой уже ходили вместе и фотографировали друг друга на фоне архитектурных достопримечательностей, передавая из рук в руки свои смарт-

фоны.

Последней точкой и кульминацией нашего путешествия стал Херсонес, точнее останки этого древнего города на морском берегу. Какие только народы и империи не повидал этот город, основанный в V веке до нашей эры. Древних греков-эллинов, римлян, византийцев, генуэзских колонистов, монгольских и турецких завоевателей, татар... А в текущий момент, как и весь Крымский полуостров, служил яблоком раздора между Киевом и Москвой. В византийские времена он назывался Херсон, генуэзцы именовали его Сарсона, а в древнерусских летописях город фигурирует как Корсунь. Именно здесь в 988 году принял крещение киевский князь Владимир, и поэтому Херсонес занимает особое положение среди почитаемых в русской православной традиции мест. В числе таких мест есть более великие и знаменитые, как, например, Дивеево или Валаам, однако вся история православия на Руси началась, по большому счёту, именно с этого клочка земли на берегу Чёрного моря, и без события, случившегося на нём тысячу лет назад, не было бы и всего остального.

Кстати, биография внука княгини Ольги служит хорошей иллюстрацией к тезису об облагораживающем влиянии христианства (если только речь идёт о настоящем христианстве, а не казённом) на человеческие души. До крещения киевский князь был человеком, очень мягко выражаясь, не самых высоких моральных качеств – напропалую убивал, преда-

вал, растлевал чужих дочерей и жён (чего стоит одна только история с Рогнедой), практиковал человеческие жертвоприношения... Однако после херсонесского крещения на страницах летописей перед нами предстаёт совершенно другой человек – Владимир распускает свой гарем из нескольких сотен наложниц, стремится быть добродетельным человеком, гуманным (насколько это слово вообще применимо к той эпохе) правителем, и даже упраздняет в своих владениях смертную казнь. А на увещевания ошалевших от такой неслыханной реформы бояр, наперебой убеждавших князя, что без казней невозможно управлять государством, Владимир отвечал: «Греха боюсь». Во всяком случае, так повествуют исторические хроники.

К огромному моему сожалению, на подробное знакомство с историческим музеем под открытым небом «Херсонес Таврический», представляющим собой почти триста гектаров археологических памятников, руин и фундаментов зданий древнего города, у нас оставалось уже не очень много времени, так что обозреть его пришлось скомканно и торопливо, с пятого на десятое. К тому же некоторые из моих сопатомниц стремились во что бы то ни стало успеть вернуться в пансионат к ужину. Понять подобное направление мыслей мне всегда столь же сложно, как царю Соломону – постичь путь орла в небе. Люди попали в уникальнейшее место, и ещё большой вопрос – попадут ли когда-либо сюда снова, а сами в это время думают, как бы не пропустить ужин. Но

наш предводитель посчитал, что глас народа – глас Божий, и мы отправились в обратный путь.

Через два часа автобус тяжело закатился в ворота Укоопспилки и устало остановился на асфальтовой площадке, откуда отправлялся утром. Уставшие, полные впечатлений пилигримы начали выбираться из дверей.

«Надо перехватить Надежду, пока не ушла к себе. Иначе потом её не найду», – решил я. И, подойдя к ней, предложил встретиться вечером на дискотеке. Предложение было благосклонно принято.

Перекусив в столовой тем, что осталось в котлах у поваров (на ужин мы всё-таки опоздали), я немного отдохнул в своей комнате, затем принял душ, щедро оросил себя туалетной водой и отправился на танцплощадку, уже переливающуюся вспышками цветомузыки в наступивших сумерках. Вскоре появилась и Надежда, сменившая паломнические одеяния на более курортные.

Музыкальный репертуар нашего пансионатского культурганизатора и диск-жокея Вадима сегодня оставлял желать лучшего, как, впрочем, и всегда. Может, я отстал от текущих музыкальных трендов, но все эти «обстановки по кайфу» и тому подобный невнятный полушансон никакого энтузиазма не вызывали. У Надежды, как выяснилось, тоже, и она предложила вместо дискотеки прогуляться по набережной. Я счёл идею здоровой.

Мы спустились по широкой ампирной лестнице, и вышли

к берегу моря. Набережная Алушты в этот час была оживлена больше, чем укоопспилковская дискотека. Фланировали толпы отдыхающих из прибрежных отелей, из кафешек доносилась разноголосая музыка, а рядом с воротами нашего пансионата под аккомпанемент акустической гитары пела голосистая девушка, похожая на хиппи из шестидесятых – в простом мешковатом платье и хайратнике на лбу. Она пела на этом месте каждый вечер, и в тихую погоду её голос было хорошо слышно даже у моего корпуса.

Я рассказывал Надежде про Алушту, она, в свою очередь – про свою Тюмень. Улучив момент, я взял спутницу за руку, и её ладонь так и осталась в моей...

Было уже довольно поздно, когда я проводил Надю до дверей её номера, и мы обменялись номерами телефонов, договорившись встретиться через день, после моего очередного дежурства по корпусу.

А потом был курортный роман – разливная «Массандра» и шорох прибоя на пляже под тёмным, тёплым крымским небом, жаркие поцелуи в беседке при призрачном лунном свете, и апофеозом – скомканное постельное бельё и прерывистое дыхание в полумраке Надиного номера, под доносящийся с набережной протяжный голос певицы-хиппи.

Впрочем, пока мы добрались до этого этапа, Наде уже пора было уезжать из Алушты домой. В последнюю ночь я на несколько часов сбежал к ней со своего поста в корпусе. А утром, сменившись, опять отправился в её номер – попро-

щаться и проводить на такси. Я выбрался из машины, увозящей Надежду в симферопольский аэропорт, только на самой окраине Алушты.

Возвращался в Укоопспилку я берегом моря. В ночь сменилась погода – было прохладно, на небе толкались боками тучи, и слегка штормило. Я зевал от бессонной ночи, и, чтобы немного взбодриться, забрался в море, побарахтаться в волнах. Было немного грустно, такое ощущение случается, когда провожаешь из своей жизни ещё один её маленький, но приятный эпизод. Однако оказалось, что всё только начинается.

Добравшись до своего пансионата, я получил от Надежды сообщение ВКонтакте – она, как мы и договаривались, дала знать, что благополучно доехала до аэропорта. С этого момента мы стали регулярно, по многу раз в день, переписываться, а потом – и созваниваться.

В процессе этого виртуального общения у нас как-то спонтанно родилась немножко сумасшедшая мысль – а почему бы мне не приехать к Надежде в Сибирь? Надина мама, с которой она жила, тоже не возражала.

Впрочем, эта идея только на первый взгляд казалась безумной – в сущности, ничего меня в родном Калаче-на-Дону особо не держало, а перемены не пугали. Даже такие радикальные. Так и получилось, что поздно вечером третьего октября 2020 года я сидел в вагоне поезда, подъезжавшего к тюменскому железнодорожному вокзалу, где на перроне

меня уже ждала Надежда.

Я ещё не знал тюменский региональный слоган «В Сибирь по своей воле», но уже претворил его в жизнь.

«Тюменская правда»

Работу в новом городе я решил искать по старинке, без всяких сетевых сервисов – просто взял папку с распечатанными резюме и отправился по выписанным в блокнот адресам работодателей. Первые визиты прошли вхолостую – где-то отсутствовало начальство, где-то попросили присылать данные по емейлу. Но я особо и не рассчитывал на быстрый успех.

Однажды во время таких поисков, взглянув на захваченную с собой карту города, я обнаружил, что нахожусь не очень далеко от Дома Печати, мимо которого мы с Надеждой проходили в минувшие выходные, во время устроенной ей для меня ознакомительной экскурсии по Тюмени. Дом Печати тоже значился в моём списке адресов, и я направил свои стопы туда.

На фасаде здания красовалось огромное мозаичное панно в позднесоветском стиле с логотипом газеты «Тюменская правда». С редакции этой газеты я и решил начать свой обход. Следуя указаниям вахтёрши, я поднялся по лестнице на третий этаж, свернул в коридор и зашёл в большой кабинет.

– К кому можно обратиться по поводу трудоустройства журналистом? – осведомился я у сидящих за мониторами компьютеров людей.

– Насчёт трудоустройства? Ну, загляните к заместителю главного редактора, Ольге Андреевне, – ответили мне и показали на дверь, ведущую из большого кабинета в маленький отнорок.

Ольга Андреевна, словоохотливая и энергичная женщина, похожая на вузовского преподавателя, расспросила меня про образование и опыт работы, после чего отвела к главному редактору, Ларисе Николаевне Вохминой. По всей видимости, Лариса Николаевна в своё время была необычайно красивой женщиной, и её лицо хранило следы той утончённой красоты. Как я узнал впоследствии, редактор «Тюменской правды» занимала весьма видное место в числе мэтров (не знаю, есть ли у этого слова феминитив) тюменской журналистики.

Побеседовав со мной, Лариса Николаевна дала тестовое задание. Мне, вместе с редакционным фотографом Тимофеем, надлежало поехать в Свято-Троицкий монастырь и выяснить, почему одному из тамошних иноков, заболевшему накануне ковидом, отказали в приезде «скорой помощи».

Фотограф перекинул через плечо сумку со своей аппаратурой, и мы отправились в путь. Содействие Тимофея было весьма кстати, ибо мои представления о городской географии, и тем паче о транспортных маршрутах, были ещё весьма смутными. Мой спутник сильно прихрамывал, но, несмотря на это, передвигался по улицам ничуть не медленнее меня.

Помыкавшись по монастырю и проведя небольшое исследование, мы выяснили, что, оказывается, «скорая помощь» к тюменцам, заболевшим ковидом, не выезжала вообще – после принятия звонка она передавала информацию в поликлинику по месту жительства больного, и уже оттуда по указанному адресу отправлялся специальный антиковидный фельдшер. Так что случай с монастырским иноком был не единичным и не исключительным.

Не знаю, может быть, с точки зрения медицинской логики, целесообразности или каких-либо иных соображений такая схема и была бы оправданной, если бы не одно «но»: речь шла о таком заболевании, при котором вопросы жизни и смерти могут решить считанные часы. Об этом я и написал в своей заметке, которую так и назвал – «Целесообразность или жизнь». Лариса Николаевна мою работу оценила, и я был принят в коллектив «Тюменской правды».

«Тюменская правда» была старейшим печатным органом Тюменской области, она выходила с 1918 года. Когда-то она была ещё и главной газетой региона, его «рупором», но в конце девяностых её на этом поприще сменило другое издание – «Тюменская область сегодня». А «Тюменская правда» из ежедневного новостного издания понемногу трансформировалась в толстый 24-полосный еженедельник.

Лариса Николаевна правила нами из своего пёстрого от полученных газетой за годы своего существования наградных кубков, дипломов и вымпелов кабинета. Я делил рабочее место с Ольгой Андреевной, приветившей меня в мой первый визит в редакцию, и журналисткой Юлей, пишущей на темы культуры. А в смежном большом кабинете, служащем как бы гостиной, регулярно сидели лишь фотограф Тимофей и ответственный секретарь Василий Андреевич. Все остальные творческие сотрудники с началом эпидемии ковида разбежались на удалёнку и появлялись только эпизодически, а у бухгалтерии, отдела кадров и верстальщиков были свои, отдельные комнаты.

Тимофей имел какие-то источники доходов помимо довольно скромной журналистской зарплаты, и они позволяли ему достаточно активно путешествовать по миру. Маршруты он предпочитал нестандартные и даже экзотические, причём без всяких туроператоров и гидов – наш фотограф считал, что чужие страны следует изучать, живя в хостелах и свободно гуляя по улицам. Однажды Тимофея занесло в Южную Корею, другой раз он отправился в Гамбию, и даже завёл там знойную чернокожую любовницу. Уже при мне наш коллега совершил, во время очередного отпуска, путешествие по Средней Азии, но не столько ради исторических достопримечательностей Бухары или Самарканда, сколько из гастрономической любознательности. Вернувшись, он ещё долго со вкусом рассказывал об отличиях ташкентского плова от

ферганского.

Полной противоположностью космополитичному Тимофею был Василий Андреевич – монументальный осколок ушедшей эпохи, совершенно реликтовый коммунист и патриот уже несуществующей страны – Советского Союза. Помимо секретарства в «Тюменской правде» Василий Андреевич был редактором какой-то ветеранской газеты и не последним человеком в тюменском обкоме КПРФ. Однажды он даже побеседовал тет-а-тет с партийным лидером Зюгановым, который рассказал соратнику, что президентские выборы 1996 года он, оказывается, по количеству голосов выиграл в одни ворота.

– Почему же он, в таком случае, не стал оспаривать официальные результаты? – спросил я Василия Андреевича.

– Потому что, во-первых, это могло бы привести к гражданской войне, а во-вторых, ему противостояли такие люди, которые не остановились бы ни перед чем. Вот ты стал бы ставить под угрозу жизни своих детей и близких?

– Я – нет. Но я и не занимаюсь политической борьбой. А тот, кто на такое решается, должен иметь в виду подобное развитие событий, и если к нему не готов – вообще не браться и ничего не начинать, – возражал я.

Как всякий советский патриот, Василий Андреевич ненавидел западный мир, который выиграл Холодную войну и лишил его родного СССР.

– Да что мы с ними цацкаемся? – возмущался он, читая

в новостных лентах про очередные каверзы злокозненных американцев и европейцев. – Запустить по ним ракеты, чтобы знали...

Но за всей воинственной риторикой и грозными речами Василия Андреевича скрывалась, в сущности, добрая и даже сентиментальная душа. Он писал детские сказки, которые публиковались в нашей газетной рубрике для самых маленьких «Колокольчик», и даже издавал за свой счёт красочные книжки с этими сказками.

Только вот когда Василий Андреевич выпивал за обедом водки, а это случалось не так уж редко, он становился возбуждённым и многословным. Сначала рассказывал слышанные уже нами по сотне раз случаи из своей жизни, причём всегда одними и теми же словами, а затем начинал задирать Тимофея.

– Вот не понимаю я вас, молодёжь, – желчно выговаривал он, раскладывая на мониторе пасьянсы. – Мы в своё время думали о своей стране, стремились родине принести какую-то пользу, а вы что? Вот ты, например, о чём думаешь? Как бы съездить куда-нибудь в Индию да на слоне посидеть? А если тебя там вместо слона на хер посадят?

Тимофей злился и вступал в перепалку, а Василию Андреевичу только того и было надо. Страсти закипали, и в редакции начиналась смута.

Большая часть журналистов «Тюменской правды», как я уже упоминал, работала удалённо, и возвращаться в редак-

цию никто из них не торопился. Так что в полном составе мы собирались лишь на понедельничных планёрках. Я тоже мог бы работать из дома, но рассудил, что, во-первых, рабочее место дисциплинирует, а во-вторых, ежедневные прогулки до Дома Печати и обратно служат отличным моционом и средством от гиподинамии.

На родине Распутина

– Собираюсь в субботу в музей Распутина в Покровском, делать фотосессию, – сообщил нам Тимофей.

– Своим ходом или с туристами? – поинтересовался я.

– С туристами, это заказ от турагенства «Академия путешествий».

– А не нужен ли им случаем в придачу к фотосессии газетный репортаж? – спросил я. – А то я тоже присоединился бы.

– Сейчас узнаю.

Тимофей тут же позвонил в «Академию путешествий», получил добро, и в субботу, рано утром, мы с ним отправились на туристическом автобусе в село Покровское, на родину легендарного харизматичного сибирского мужика, ставшего, наряду с Петром Великим или Гагариным, одним из брендов России. У ворот дома-музея Распутина нас уже ждала его основательница и владелица, являющаяся одновременно лучшим в мире знатоком биографии Григория Ефимовича, автором нескольких посвящённых ему и его роли в российской истории книг, Марина Смирнова. Кстати, её музей был самым первым частным музеем в России – в начале девяностых, когда он создавался, ничего подобного не существовало ещё и в помине.

Марина Юрьевна оказалась не только талантливым и увлечённым своим делом специалистом, но и большой мастерицей разговорного жанра, экспансивной, артистичной и громогласной. С этого места перед музейным двором и начался для нас экскурс в прошлое, во времена более чем вековой давности.

Четырнадцатого апреля 1918 года в село Покровское со стороны Тобольска въехала повозка в сопровождении охраны – тридцати вооружённых всадников, и остановилась на обочине возле одного из сельских домов. Всадники спешили и окружили повозку. Сидящая в ней женщина, взглянув на дом, рядом с которым они остановились, заплакала. А её спутник потом достал тетрадь-дневник и записал: «В селе Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна».

Этот мужчина был бывшим государем императором Всероссийским Николаем II, а ныне, после революции и отречения от престола, просто гражданином Романовым, а женщина, сидящая рядом с ним – его супругой, бывшей императрицей Александрой Фёдоровной, а сейчас, соответственно, гражданкой Романовой. А ехали они в своё последнее путешествие, которое впоследствии назовут крестным путём венценосной четы, на свою Голгофу, в Екатеринбург.

Вероятно, оба они вспомнили в тот момент фразу друга своей семьи Григория Распутина: «Волей или неволей они приедут в Тобольск и, прежде чем умереть, увидят мою родную деревню». Лично я не верю в возможность мистическим образом предвидеть будущее, но на сей раз ирония судьбы проявила себя очень зримо и жестоко.

А за четыре года до того, в 1914-м, на этом самом месте произошло событие, которое перевернуло весь ход мировой истории: приехавшая в Покровское из Царицына экзальтированная фанатичка Хиония Гусева из секты иеромонаха Илиодора «Новая Галилея» ударила Распутина кинжалом, надолго отправив его в больницу (среди экспонатов музея имеется точная копия этого кинжала). Вполне вероятно, что если бы не это покушение, Распутин, вернувшись вовремя в Петербург, сумел бы снова, как в 1912 году, убедить императора отменить мобилизацию, которая на сей раз послужила причиной начала Первой мировой войны. И история Европы и всего человечества пошла бы совсем по другому руслу – без Октябрьской революции, Сталина и Гитлера.

Сейчас рядом с этим местом, у музейной калитки, стоит плита из чёрного гранита, с выбитыми на ней золотыми буквами пророчеством Григория Распутина и цитатой из дневника Николая II.

В прихожей-сенях дома Распутина на стене висят во множестве фотографии политиков, артистов, спортсменов и других известных людей в музейных интерьерах. Среди них можно увидеть хоккеиста Владислава Третьяка, модельера Вячеслава Зайцева, тележурналиста Леонида Парфенова, путешественника Фёдора Конюхова, реформатора Анатолия Чубайса и многих других.

Ну а на самом колоритном из снимков запечатлены четверо негров на фоне сибирской избы – группа «Boney M» в полном составе. Все, кто застал восьмидесятые, помнят один из её популярнейших мировых хитов: «Ra-ra-rasputin lover of the russian queen, Russia's greatest love machine». Марина Юрьевна вспоминает, как ямайская четвёрка пела свою знаменитую песню во дворе музея а капелла, без всякого музыкального сопровождения, а потом все выпили за упокой души Григория Ефимовича водки, закусив блинами с икрой.

Кстати, ещё один факт в копилку любителям мистики и необычайных совпадений: солист этой группы Бобби Фарелл окончил свои дни не где-нибудь, а в Санкт-Петербурге, аккуратно в тот же день, а точнее – ночь, с 16 на 17 декабря по старому стилю, что и герой его песни. Всего в одном квартале от места его убийства. Марина Юрьевна даже утверждает, что когда Фарелла нашли наутро в номере гостиницы «Амбассадор», он лежал в той же позе, в какой находилось тело Распутина, извлечённое из неводской воды.

Почти все селебрити запечатлены вкупе с легендарным,

знаменитым на всю страну, старым венским стулом Распутина. Принято считать, что мужчина, посидевший на этом стуле, приобретает необыкновенную, распутинскую мужскую силу. Статистических исследований, конечно, не проводили, но вот факт: известнейший боец ММА Александр Емельяненко был в Покровском и сидел на распутинском стуле меньше чем за две недели до того, как отправился в тюрьму по обвинению в изнасиловании.

Газета «СПИД-Инфо» однажды сулила аналогичный результат тем, кто, не имея возможности добраться до Покровского, посидит просто на фотографии стула, украшавшей репортаж из музея. Не знаю уж, повлияла ли такая процедура на пыл читателей, но самой газете тиражи наверняка подняла.

Помимо любовного задора распутинский стул способствует и карьерному росту. Не стану ничего комментировать, но бывший тюменский губернатор Собянин посидел на нём меньше чем за месяц до того, как отправился градоначальником в Москву.

Многие специально приезжали в Покровское издалека, только ради того, чтобы присесть на этот стул. В силу такого ажиотажного спроса и сверхэксплуатации стул обветшал, пришёл в упадок, и садиться на него хозяйка музея больше не позволяет. Теперь он стоит за ленточкой, под зеркалом из распутинской прихожей, с табличкой: «Руками не трогать». Впрочем, для нашей группы Марина Юрьевна всё же сде-

лала исключение. Правда никакого повышения по службе я потом так и не получил, и в Москву вслед за Собяниным не уехал. Легендарный стул на этот раз дал осечку.

Марина Юрьевна – человек не просто по-настоящему увлечённый, но и умеющий, если надо, пойти против общественного мнения и устоявшихся стереотипов. В своих исследованиях она развенчивает целый ряд широко распространённых мифов о Распутине. В частности – миф о его пьянстве.

Широко распространено мнение, будто старец пил горькую чуть ли не вёдрами. Без всякого преувеличения. Например, писатель Валентин Пикуль в своём романе «Нечистая сила» описывает, как Распутин открывает бутылки с мадерой, почему-то сливает их содержимое в таз, а потом лихо хлещет вино прямо из этого таза. Эпизод в стиле «а-ля рюс», только медведя, играющего на балалайке, не хватает.

Но что говорят на этот счёт исторические документы? Хозяйка музея показывает строку из висящего в рамочке на стене донесения покровского участкового Прилина своему начальнику, ротмистру Калмыкову от 1914 года: «Распутин Григорий Ефимович, от роду имеет около 45 лет. Крестьянин Тюменского уезда села Покровского, семейный, занимается хлебопашеством. Живёт богато, помогает бедным одно-

сельчанам. Образ жизни ведёт трезвый».

Как вы думаете, можно ли скрыть в деревне склонность к пьянству от односельчан, а тем более – от участкового? А ведь до гибели Распутина остаётся всего два года. Когда же он успел бы из трезвенника превратиться в запойного алкоголика, коим его рисовали журналисты и литераторы?

Невольно опровергает, пусть и косвенным образом, миф о распутинском пьянстве и один из его убийц, князь Феликс Юсупов. Он пишет, что в ночь убийства Распутина его очень долго уговаривали выпить отравленной мадеры. Покажите пьющего человека, которого надо очень долго уговаривать выпить. Во время вскрытия тела Распутина патологоанатом, профессор Косоротов, обнаружит в желудке «восемь ложек коричневатого цвета жидкости». Это бокал вина. Всё, что «пьяница» Распутин выпил за целый вечер.

Кстати, что касается якобы сверхъестественной «живучести» Распутна. Все читали, как Распутин накануне своего убийства в юсуповском дворце поглощал цианид в лошадиных, кратно превышающих смертельную, дозах, и при этом продолжал, как ни в чём не бывало, есть, пить и разговаривать. Ну не демон ли в человеческом обличье? Но мало кто знает, что доктор Станислав Лазоверт, чьей задачей было начинить ядом пирожные, потом, много лет спустя, уже в парижской эмиграции, писал, что в последний момент, не желая брать грех на душу, заменил цианистый калий на растолченные таблетки ацетилсалициловой кислоты. Так вот и

рождаются мифы о сверхъестественном.

И ещё одно знаковое совпадение – в парижском доме, где жил доктор Лазоверт, прямое под его апартаментами, на первом этаже открылся всемирно известный ресторан «Распутин». Позже в этом ресторане состоялся знаменитый кутёж Высоцкого с Шемякиным, после которого Владимир Семёнович написал своих «Французских бесов»

И даже в вопрос о возрасте Распутина пришлось внести ясность. Разыскав метрические документы, Марина Юрьевна поправила немецких производителей «Распутинской» водки, «состаривших» Григория Ефимовича, указав на этикетке своей продукции годом его рождения 1865 вместо 1869-го. А также и Эдварда Раздинского, у которого Распутин «постарел» и вовсе на 7 лет.

Ксерокопии найденных метрик Марина Юрьевна разослала во все исторические журналы, а заодно и в Германию, во Фленсбург, где производят «подмигивающего Распутина». Немцы пообещали внести исправления.

Ковид

В субботу мы с Надеждой отправились погулять по Гилёвской роще. Вернулись из парка уже вечером. Сходив перед ужином в душ, я вдруг почувствовал что-то неуловимо неладное – то ли в окружающем мире, то ли в себе самом. Но что именно было не так, понял лишь спустя некоторое время. Я не ощущал запахов.

«Может, насморк причиной?» – зацепился я за мысль, словно за соломинку.

Но это было легко проверить. Я брызнул себе на запястье туалетной воды и поднёс к носу. Запаха всё равно не было.

Нет, не насморк. Очевидно, что ковид – понял я, и сообщил о своём открытии Надежде. Она принялась к ломтю хлеба и тоже обнаружила у себя сбой обоняния.

Разумеется, я был готов к тому, что нас не обойдёт чаша сия, но одно дело – понимать это умозрительно, а совсем другое – встать перед свершившимся фактом.

Надежда достала из заглазничков прибор для измерения сатурации. С насыщенностью кислородом у нас было пока всё в порядке, но утешало это слабо – кто знает, что будет завтра или послезавтра, когда имеешь дело с таким непредсказуемым заболеванием.

На следующее утро я позвонил в Калач, своему другу Оле-

гу. Вообще-то он был наркологом, но и в любых других областях медицины я доверял его мнению больше, чем профильным врачам. К тому же Олег, как я знал, в настоящее время работал в ковидном госпитале.

– Похоже, коронавирус всё же до меня добрался, – сказал я. – Что посоветуешь?

– Главное – не паникуй, – ответил Олег. – Соблюдай постельный режим, ешь витамин С и пей как можно больше жидкости. А ещё – без крайней нужды не ложись в больницу. И всё будет в порядке.

Так я и сделал.

Склонные к конспирологии люди потом много говорили о том, что COVID-19 был рядовой инфекцией, наподобие сезонного гриппа, которую злоумышленно «раскрутили» и медийно раздули то ли фармакологические компании, то ли мировая закулиса. Мой опыт говорит, что это не так. То есть, конечно, вполне может быть, что кто-то воспользовался пандемией в корыстных целях, но вот сам ковид рядовой и пустяковой болезнью явно не был.

Я лежал на своём диване плашмя, словно придавленный к нему бетонной плитой. Не хотелось не то что вставать, а даже лишний раз пошевелиться. Поход до туалета вызывал усталость как стометровый забег. Бриться тоже было лень, так что я оброс буйной щетиной, переходящей в бороду. Размышления о том, в какие осложнения всё это может вылиться, тоже не придавали бодрости духа.

Конечно, я знал, что группу риска составляют люди пожилые или страдающие тяжёлыми хроническими заболеваниями, но знал также, что бывали и нетипичные случаи, и не так уж редко. В конце концов, я решил относиться к дальнейшим перспективам философски, как античный стоик, отчего, действительно, на душе стало как-то спокойнее. Но даже после выздоровления ещё долго ощущались апатия и безрадостность, и даже коньяк приносил вместо душевного подъёма лишь отупение и мрачную одурь.

У Надежды дела были ещё хуже. Ей стало тяжело дышать, и компьютерная томография обнаружила тридцатипроцентное поражение лёгких. На снимке поражённые участки выглядели как рассыпанная по грудной клетке тут и там мелкая дробь.

На удивление, бодрее всех перенесла ковид Надина мама, Валентина Ивановна. Хотя, может быть, просто делала вид. Старшее поколение – оно такое...

Организм отходил от потрясения медленно. Сначала я стал выходить из квартиры в магазин, за продуктами. Затем начал прогуливаться вечерами в соседний микрорайон, до берега Туры. Потом, наконец, созрел добраться до редакции. Больничный мне не выписывали, считалось, что я продолжаю работать удалённо, из дома.

Редакция пустовала – после меня один за другим свалились с ковидом и все остальные сотрудники. Один лишь Василий Андреевич сидел за монитором и делал макет оче-

редного номера. Кстати, коронавирус «аукался» ему дольше, чем всем нам – ещё год или даже больше он жаловался, что после болезни периодически чувствует наплывающий из ниоткуда запах ацетона.

Однако уже скоро коллеги постепенно, друг за другом, стали возвращаться. Коллектив «Тюменской правды» прошёл через испытание ковидом без невосполнимых потерь. Только у Ларисы Николаевны умер в госпитале от пневмонии муж.

А в ковидную статистику я, несмотря на столь явственно перенесённое заболевание, так и не попал. Результат анализа у меня был отрицательным. Судя по всем признакам, с приставкой «ложно», но об этом знали только я и окружающие.

Ёбург с Алексеем Ивановым

Помимо прочего, нас с Надеждой объединяла общая любовь к путешествиям и, как говорил герой гоголевского романа, «познанию всякого рода мест». Потому на ближайшие рождественские каникулы мы запланировали куда-нибудь махнуть, сразу на несколько дней. Выбор пал на Екатеринбург.

Я давно мечтал увидеть этот город, особенно после прочтения книги живого классика Алексея Иванова «Ёбург», где так подробно и любовно описана уральская столица и её недавняя история. Но препятствием всегда служило расстояние в два часовых пояса от моих родных донских степей до Урала. А теперь вот мечта обрела зримые очертания – от Тюмени до главного города соседнего региона было всего лишь пять часов езды на электричке «Ласточка».

Мы с Надеждой забронировали номер в гостинице «Marins Park Hotel» рядом с железнодорожным вокзалом, выходящий окнами на никогда не засыпающую привокзальную площадь и огромный памятник каким-то танкистам. Вечерами, когда мы, уставшие от походов по городу, возвращались «домой», я любил, сидя на подоконнике и раскрыв для проветривания окно, наблюдать за ночной околовокзальной жизнью на расцвеченном неоновыми огнями пя-

тачке. Пожалуй, единственным недостатком нашего номера были две односпальные кровати вместо одной большой, так что приходилось ходить друг к другу «в гости».

Прибыв из Тюмени рано утром и заселившись в отель, мы почти сразу, лишь умывшись с дороги, отправились знакомиться с Ёбургом. Так нарекли свой город сами его жители, переделав длинное, протяжное название в краткое и энергичное. Алексей Иванов пишет: «название Екатеринбург было слишком «дисциплинированным». Язык искал адаптированные варианты. По аналогии с Питером был предложен стильный Катер – но нет, не прижилось. И тогда явился Ёбург. Название вызывающее, наглое, хлёсткое, почти непристойное. Но так выбрал язык, а он знает технологии семантики и чует магнитное притяжение коннотаций».

В топонимии Ёбурга очень причудливо и размашисто, широкими мазками, отражена сумбурная и противоречивая история российского государства. Всё здесь смешалось, как в доме Облонских. Так, к Храму-на-Крови в память убитого последнего императора мы шли по улице, названной в честь его палача Якова Свердлова, чьё имя ещё относительно недавно носил и весь город. И подобные переплетения можно встретить часто.

Первым из знакомых по картинкам и фотографиям зданий, встреченных нами на пути, оказался Театр юного зрителя со своими узнаваемыми шпилями на фасаде. Завернув за него, мы через лесистую Вознесенскую горку отправились

к одноименной Вознесенской церкви, высокую колокольную которой видно издалека. Это старейший из сохранившихся в городе храмов – он был заложен в конце XVIII века, а достраивался поэтапно ещё сто лет. Здесь ощущается тёплый дух старины, которого, несмотря на ухищрения архитекторов, лишены новодельные храмы. Верующие называют такие места намоленными.

Погревшись и заодно отмолив грехи, мы с Надеждой отправились обратно, на улицу Карла Либкнехта, в которую плавно перетекла улица Свердлова, миновав по дороге монументальный тринадцатиметровый памятник Комсомолу Урала – скульптуру, очень напоминающую московских Рабочего и Колхозницу. С той только разницей, что бронзовые уральские комсомолы несут не серп с молотом, а развевающееся знамя.

Этот образец советской монументально-плакатной эстетики, вкуче с Вознесенским храмом позади, являют собой ещё один екатеринбургский культурно-исторический контраст. Если бы я разрабатывал дизайн сувенирных магнитов с символикой города, то обязательно поместил бы на них это сочетание, как наиболее символичное в плане переключки и переплетения эпох.

На улицу Либкнехта мы вышли рядом с Домом Харитонova – самым, наверное, красивым и знаменитым архитектурным памятником Екатеринбурга, единственным на Урале дворцовым комплексом. В советскую эпоху это был Дворец

пионеров, один из самых «крутых» в СССР. В качестве гостей здесь в разное время «отметились» Джавахарлал Неру, Хо Ши Мин, Фидель Кастро...

Однажды этот роскошный дворец захотел захватить, выкинув четыре тысячи детей на улицу, президентский полпред. Может быть, в другом городе такое бы и прокатило, но только не в столице сурового Урала. Начались массовые акции протеста под лозунгом «Дворцы – чиновникам, развалины – детям?». Школьники пикетировали полпредство. Горячие головы перешли к «прямому действию», став бить в здании окна. О ситуации рассказывали все газеты и телеканалы – уральские СМИ тоже встали на сторону протестующих. И Москва «дала заднюю».

Правда надо отметить, что случилось это на рубеже веков и исторических эпох – в 2000 году. Впоследствии российское чиновничество заматерело, и случись подобное два десятка лет спустя – уже вряд ли стало бы отступать.

Эту эпическую битву гражданского общества с государством потом отразил детский писатель Владислав Крапивин в своём романе «Семь фунтов брамсельного ветра». Кстати, Крапивин – ещё одно имя Екатеринбурга. Здесь он, переехав из Тюмени, писал свои книги, здесь находился его легендарный клуб «Каравелла».

К слову, романы Крапивина являются памятником своей эпохе в не меньшей степени, чем «Комсомолыцы Урала». И местами так же пронизаны тоталитарной протофашист-

ской эстетикой. Я применяю здесь это слово не в политическом, ругательном смысле, а исключительно в культурологическом. А как ещё назвать эстетизацию всех этих «зарниц», пилоток и беретиков набекрень, торжественных клятв-присяг, маршей под горны и барабаны и тому подобное «самовоспитание для смерти за императора» (то, что на месте императора в данном случае государство и идеология – непринципиально), коими до краёв переполнены произведения советских детских писателей, начиная с Аркадия Гайдара. И такая эстетика, надо отдать должное, хорошо была в цель, у меня самого в подростковом возрасте захватывало дух от этого всего. Может быть, оттого и так милитаризовано оказалось сознание общества, возросшего на подобной литературе, даже спустя много лет. Говорят, кстати, что в крапивинском клубе дисциплина была железная, почище чем в армии.

Через дорогу от Дома Харитонова, немного наискосок, возвышается огромный Храм-на-Крови. Он воздвигнут на месте Ипатьевского дома, в подвале которого в ночь с 16 на 17 июля 1918 года был расстрелян последний российский царь Николай II (впрочем, к тому времени, после отречения – уже просто гражданин Романов) со своей семьёй и слугами. В 1977-м, накануне 110-летия со дня рождения Николая II и 60-летия его убийства, дом был снесён властями. Вероятно, чтобы лишить диссидентов монархического толка, которых к тому времени развелось немало, объекта поклонения.

Но вышло наоборот. Спустя десяток лет, едва только

идеологические вожжи были ослаблены, фундамент разрушенного дома стал культовым местом. В конце восьмидесятых здесь, как и опасались власти, стали тусоваться монархически озабоченные граждане, а в 1991-м отсюда отправился первый крестный ход до Ганиной Ямы, где нашли своё упокоение останки Николая II. Впоследствии эти крестные ходы стали многотысячными и на них, дабы почтить память царской семьи, стали приезжать люди со всех концов страны.

«Церковь последовательными усилиями создала Ёбург его главный бренд – память о гибели Романовых. Да, неправильно, что главный бренд базируется на катастрофе, на преступлении, но что есть, то есть», – пишет Алексей Иванов.

Честно сказать, я не очень понимаю такого пиетета по отношению исключительно к царской семье. Да, их убийство было преступлением по всем статьям – и моральным и правовым. Но в годы Гражданской войны погибло огромное количество людей, и каждая такая гибель была ничуть не меньшей трагедией. Почему надо непременно выделять из их числа именно семью Романовых?

У входа в нижний ярус Храма-на-Крови стоит скульптурная композиция, изображающая Николая II с семьёй перед спуском в расстрельный подвал. Этот памятник в своё время вызвал немало волнений – православная общественность заявила, что позам фигур страстотерпцев не хватает приличествующего смирения, и потребовала убрать скульптуру как не соответствующую концепции жертвенного подвига царя.

А митрополит даже отказался её освящать.

Памятник огибает винтовая лестница из 23 ступенек, ведущая из верхнего храма в нижний, и, по замыслу создателей, долженствующая символизировать соответствующее число ступеней в ипатьевский подвал. Но, как выяснилось, архитекторы дали маху и здесь. На поверку оказалось, что в лестнице доме Ипатьева было 19 ступеней, а популярная цифра 23 пришла из сочинения советского историка Марка Касвинова ««Двадцать три ступени вниз», про 23 года правления последнего императора, совершенно для него нелестного. В подобных случаях говорят: «Слышал звон, да не знает, где он».

От Храма-на-Крови мы с Надеждой, миновав памятники Петру и Февронье Муромским и солисту «Песняров» Владимиру Мулявину, который, как выяснилось, родился и начал свою музыкальную карьеру в Екатеринбурге, вышли на набережную скованной льдом, заснеженной Исети. На противоположном берегу возвышался целый частокол небоскрёбов. Ёбург – вообще город высоток, они вздымаются здесь везде, куда ни посмотри, словно беспорядочно растущие зубы.

Вдоль набережной мы вышли к Плотинке, являющейся одновременно как гидротехническим сооружением, так и исторической достопримечательностью Екатеринбурга, и ещё одному скандальному памятнику – на этот раз основателям города, капитану Василию Татищеву и генералу Виллиму де Геннину. Здесь поводом для нареканий неугомон-

ной общественности послужила схожесть скульптурных отцов-основателей, до степени смешения и полной неразличимости. И даже позы у них совершенно одинаковые. Бытует даже легенда, что ваятель «надел» на де Геннина треуголку в самый последний момент, по настоянию городских властей, чтобы дать возможность хоть как-то его отличить. В народе памятник прозвали Бивисом и Батхедом.

«А монумент по духу был как раз про XVIII век с его идеальным гуманизмом и реальной бесчеловечностью. Скульптор Чусовитин предъявил городу парсуны барокко, парадный парный портрет кориоланов эпохи абсолютистских монархий, заводных солдатиков века Просвещения (подобными механическими фигурами раньше украшали башенные куранты), помпезных и вельможных людей-роботов, которые несли гармонию на штыках, вбивали цивилизацию плетями и спокойно совершали немыслимые по дерзости деяния, непосильные для простых смертных», – комментирует Алексей Иванов.

Пообедав в кафе «Три толстяка» мы со спутницей направились к небоскрёбу «Высоцкий». Найти его было несложно – он возвышается над окрестностями подобно маяку. Благодаря таким зданиям в Ёбурге сложно заблудиться.

Но «Высоцкий» – не просто рядовой небоскрёб, это «отец» всех екатеринбургских небоскрёбов. И не только екатеринбургских. Дело в том, что вплоть до середины нулевых привилегией строить такие здания обладал только один го-

род в России – Москва. И Ёбург стал первым, кто отвоевал у имперской столицы это право.

Здесь находится уникальный музей Владимира Высоцкого, где можно увидеть не только личные вещи, гитару и черновики стихов великого поэта-барда, но и принадлежавший ему автомобиль «Мерседес», которые в тогдашнем СССР были наперечёт. А рядом со зданием стоит памятник Высоцкому и Марине Влади. Кумир эпохи что-то наигрывает на гитаре, а жена в лёгком платье смотрит на него влюблёнными глазами. Кстати, скульптура эта находится здесь не по случаю того, что за ней возвышается небоскрёб имени Высоцкого, а наоборот – здание получило своё имя потому, что было построено рядом с этим памятником. Во всяком случае, автор книги «Ёбург» считает, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль в народном голосовании на предмет названия будущего украшения города.

В таких музеях время проходит незаметно. И когда мы вышли из «Высоцкого», на улице уже сгустились сумерки. Поэтому для дальнейшего маршрута был выбран широкий, хорошо освещённый проспект, приведший нас к памятнику человеку, имя которого город носил много лет. Зловещий хищноносый Свердлов указывает со своего пятиметрового гранитного постамента пальцем вниз, словно говоря: «Всех вас, буржуи, вот здесь закопаю!» Во всяком случае, у меня статуя вызвала именно такие ассоциации.

Насколько всё же наше восприятие зависимо от контек-

ста эпохи. Советским людям этот памятник вряд ли казался зловещим, скорее наоборот. Недаром же он считался одним из самых узнаваемых символов города.

На следующий день у нас с Надей было запланировано изучение другого берега Исети. Перейдя по мосту реку, мы оказались около «Ельцин-центра».

Изначально я не ожидал от этого музея многого. Думал: ну что там может быть такого интересного? Ретроспектива фотографий Ельцина в разные этапы жизни? Его личные вещи? Или напечатанная на стене биография? Но музей оказался по-настоящему крут. Бродя по его экспозициям, я будто заново окунулся во времена своей юности.

Вот советский магазин с полупустыми прилавками, здоревенными металлическими весами с гирями и тёмно-зелёным механическим кассовым аппаратом. А вот первые компьютеры, на которых меня в школе учили программированию (к сожалению, безуспешно). А вот уже раритеты зари «лихих девяностых» – джинсы-«варёнки», «мальвины», цветастые спортивные костюмы «Адидас» (на самом деле, конечно, псевдо-«адидас») с мощными лампасами, жвачки «Love is...», пёстрые пачки сигарет с невиданными ни до ни после того брендами: «Embassy», «Montana», «Manhattan», «Eagle», «MidWest», «Gold Bond», «holliwood», «Memphis»,

«Lolita», а то и просто «Classic»...

На полках, стилизованных под магазинные, стоят японские двухкассетники, видеомагнитофоны, спирт «Royal» (культовый в своё время напиток, наряду с польской водкой «Распутин»), а ещё какая-то из первых «мобил» размером почти с кирпич. И множество других артефактов ушедшей эпохи, все не перечислить.

На торцах магнитофонных кассет, выстроившихся рядами, как в приснопамятных киосках звукозаписи – названия полузабытых, древних как мастодонты групп и исполнителей. А потускневшие машинописные названия фильмов на старых видеокассетах памятливы по репертуарам видеосалонов, куда мои сверстники ломались толпами, несмотря на цены билетов, многократно превышающие кинотеатровские. Эти манящие, с ещё не до конца к тому времени развеявшимся флером запретности, названия застряли в памяти навсегда: «Путь дракона», «Киборг», «Зловещие мертвецы», «Греческая смоковница», «Чужой», «Последний девственник Америки»... Их «крутили» в салонах на экране обычного домашнего телевизора, с гнусавым одоголосым закадровым переводом. Много времени спустя я пытался пересмотреть в он-лайне кое-какие из этих фильмов – совершенно «не зашло». Всё хорошо в своё время, а ложка дорога к обеду.

На экранах мониторов мелькают кадры телепередач – Ельцин, зачитывающий свой указ 1400, обгоревший Белый дом, позабытые, как спирт «Royal», лица Хасбулатова, Руц-

кого, генерала Лебеда, ведущих передачи «Взгляд», кого-то ещё...

Всё это вкупе действует как триггер – воскрешает в памяти события и эмоции прошедших лет, будоражит и вызывает ностальгию. Разумеется, только у тех, кто «там» побывал. Я подумал, что вряд ли подростки, толпами снующие по музею, могут по-настоящему «врубиться» в эпоху и до конца проникнуться её духом. Для них это не более чем иллюстрации к абзацам о событиях новейшей истории. Как, впрочем, и мне никогда не понять и не прочувствовать атмосферу, например, 37-го года, прочитай хоть десять «Детей Арбата» и «Архипелагов ГУЛАГ».

Очень противоречивым было ельцинское десятилетие. С одной стороны – «шоковая терапия» в экономике, резкое социальное расслоение на нищее большинство и «новых русских» нуворишей и расцвет уголовной преступности, в которых во многом был повинен политический курс первого российского президента. Помню, как все мы дружно поносили на чём свет стоит ЕБН (до такой аббревиатуры противники сократили фамилию-имя-отчество Ельцина) и желали ему нехорошего. И, думаю, нас можно было понять – если бы не экономические потрясения, наше поколение могло бы прожить эти годы лучше, качественнее и счастливее.

Но с другой стороны... Сейчас, ретроспективно, когда страсти улеглись, я вижу и иное – благодаря ему же мы не выросли фанатичными винтиками и шпунтиками огромно-

го тоталитарного механизма, расходным материалом и возобновляемым ресурсом для великих побед, каковым хотело нас видеть предыдущее идеократическое государство, противопоставившее себя всему миру. А это многого стоит. И музей Ельцина как раз об этом. Его экспозиции предваряет текст, нанесённый на стене большими буквами: *«Вся история России – это поиск свободы. Российская демократия родилась раньше российского самодержавия, однако путь страны к свободе как высшей ценности оказался долгим и трудным. Облик власти, народа и общества складывался по мере движения через запутанный лабиринт восстаний, диктатур войн и революций. Избавление от внешней угрозы, от иностранного нашествия порой парадоксальным образом приводило к ещё большему порабощению народа собственными правителями. При этом в культуре, особенно в литературе, народная воля, идеал свободного человека в свободной стране осознавались как истинная цель исторического развития. На протяжении столетий попытки реформаторов претворить жизнь эти идеалы сменялись откатом назад и ужесточением режима. Лишь в 90-е гг. XX века, пройдя через коммунистический эксперимент, саморазрушение в огне Гражданской войны, две мировые войны и волны репрессий, подавление прав личности и их болезненное обретение, Россия наконец нашла путь к освобождению от тоталитарного прошлого»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.